

ЛЕТИЦИЯ
КОЛОМБАНИ

*Женщины
Парижа*

НАСТОЯЩАЯ ОДА ЖЕНЩИНАМ И СЕСТРИНСТВУ.
Le Parisien

От автора бестселлера «Сплетение»

Бестселлер №1 во Франции

Летиция Коломбани
Женщины Парижа

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Коломбани Л.

Женщины Парижа / Л. Коломбани — «Эксмо»,
2019 — (Бестселлер №1 во Франции)

ISBN 978-5-04-109373-0

Солен пожертвовала всем ради карьеры юриста: мечтами, друзьями, любовью. После внезапного самоубийства клиента она понимает, что не может продолжать эту гонку, потому что эмоционально выгорела. В попытках прийти в себя Солен обращается к психотерапии, и врач советует ей не думать о себе, а обратиться вовне, начать помогать другим. Неожиданно для себя она становится волонтером в странном месте под названием «Дворец женщин». Солен чувствует себя чужой и потерянной – она должна писать об этом месте, но, кажется, здесь ей никто не рад. Все постоялицы такие разные, незнакомые, необычные. Со временем она завоевывает их доверие, у нее появляются друзья – Синтия, Вивиан, Сумейя, Ирис. Все вдруг обретает смысл. Смысл, что когда-то вел вперед основательницу «Дворца женщин», Бланш Пейрон, борющуюся за то, чтобы все брошенные, оставленные, попавшие в беду женщины обрели свое место. Теперь Солен продолжит дело Бланш и через годы исправит несправедливость, от которой пострадала та, что всех старалась защитить.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-109373-0

© Коломбани Л., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Летиция Коломбани

Женщины Парижа

Роман

*Моей матери
Моей дочери
И всем женщинам Дворца¹*

*Пока женщины будут плакать, я буду драться,
Пока дети будут мерзнуть и голодать, я буду драться [...]
Пока на улице хотя бы одна девушка будет торговать своим
телом, я буду драться [...]
Я буду драться, буду драться, буду драться.
Уильям Бут²*

*Неоспоримо одно: мертвые не покидают мест, где находились при
жизни. Подобно инъекциям, их воспоминания пронизывают собой почву.
Сильвен Тессон. Очень слабые колебания*

Laetitia Colombani
Les Victorieuses

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Editions Grasset & Fasquelle, 2019.
© Жукова Н., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

* * *

«Как холодна земля!» —
Мелькнула первой мысль,
Когда, скрестивши руки и челом
коснувшись камня,

¹ В христианской традиции *победоносцами* называли святых мучениц Веру, Надежду, Любовь и мать их Софию. См. Тропарь, Кондак и Величание святым мученицам Вере, Надежде, Любви и матери их Софии: «Софии честныя священнейшия ветви, Вера и Надежда и Любовь, показавшися, мудрость обуиша еллинскую благодатию, и пострадавше, и *победоносцы* явившися, венцем нетленным от всех Владыки Христа увязошася» (Кондак, глас 1). Автор в заглавии книги употребляет именно это поэтическое и архаичное существительное.

² Уильям Бут (1829–1912) – британский проповедник, основатель Армии спасения и ее первый генерал.

Глава 1

Париж, наши дни

Все произошло молниеносно. Солен вышла из зала судебных заседаний вместе с Артюром Сен-Клером. Она собиралась ему сказать, что не понимает решения судьи по его делу и не может объяснить крайней строгости, которую тот проявил. Однако сделать ей этого не удалось.

Сен-Клер бросился к стеклянным перилам лестничной площадки и мгновенно оседлал их. Затем перекинул ногу и бросился вниз с высоты седьмого этажа Дворца правосудия.

Несколько секунд, показавшихся ей вечностью, тело его парило в пустоте, после чего рухнуло на пол двадцатью пятью метрами ниже.

Что произошло потом, вспомнить она не могла. Перед глазами проплывала беспорядочная череда образов, точно при замедленной съемке. Скорее всего, она закричала – прежде чем провалиться в беспамятство.

Очнулась она в комнате с белыми стенами.

Врач произнес два слова: *синдром профессионального выгорания*. Солен сначала никак не могла определить, о ней он говорил или о ее подзащитном. Но вскоре цепочка событий выстроилась в реальную картину.

Артюра Сен-Клера, влиятельного бизнесмена, привлеченного к уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов, она знала давно. О его жизни ей было известно практически все – браки, разводы, денежное содержание, выплачиваемое бывшим женам и их общим детям, подарки, которые он им привозил из командировок. Солен побывала на его вилле в Сент-Максиме³, во внушительных офисах фирмы, роскошных апартаментах Седьмого округа Парижа. Она знала все деликатные подробности существования и пользовалась большим доверием своего подзащитного. Немало месяцев провела Солен в тщательной подготовке к слушанию, не оставляя ничего на волю случая и жертвуя всеми свободными вечерами, выходными и праздничными днями. Адвокатом она была превосходным – трудолюбивым, добросовестным, стремившимся все доводить до совершенства. Профессиональные качества Солен были с редким единодушием признаны ее коллегами в известной адвокатской конторе, где она работала. Однако судебные ошибки существуют, это общеизвестно. И тем не менее Солен не ожидала такого приговора. Судья приговорил его подзащитного к реальному тюремному сроку и обязал возместить материальный ущерб, исчисляемый миллионами евро. Такого и за всю жизнь не выплатить. Не говоря уже о бесчестье и полной утрате доверия в бизнес-сообществе. Вынести всего этого Сен-Клер просто не мог.

Он предпочел броситься в бездну – гигантский световой колодец нового парижского Дворца правосудия.

Архитекторы предусмотрели все, кроме этого. Они сконструировали настоящий шедевр – элегантное здание с совершенным дизайном, или «дворец стекла и света», как они его называли. Фасады Дворца были оснащены оборудованием по последнему слову техники, предусматривающим отражение любой внешней угрозы. Повсюду были установлены защитные

³ Сент-Максим – курортный город на Лазурном берегу во Франции.

порталы, контрольная аппаратура на входах и выходах, множество камер видеонаблюдения, обнаруживающих любое незаконное проникновение, двери с электронным доступом, ультрасовременные интерфоны и экраны. В своих планах дизайнеры не учли одного: что справедливость вершится одними людьми над другими людьми, а те порой могут дойти до отчаяния.

Залы судебных заседаний были расположены на шести этажах, которые возвышались над роскошным атриумом площадью пять тысяч квадратных метров. Немудрено, что необозримое пространство под двадцативосьмиметровым потолком кое у кого могло вызвать головокружение и растерянность. А кое-кому из осужденных могло подсказать мысли и похуже.

В тюрьмах широко распространены сети безопасности для предотвращения самоубийств. Но только не здесь. Простые стеклянные перила, отделяющие человека от бездны. Сен-Клеру достаточно было сделать один шаг, чтобы перемахнуть через них и броситься вниз.

Эта картина преследовала Солен, она никак не могла от нее отделаться. Она снова и снова видела тело своего подзащитного, застывшее в неестественной позе на мраморных плитах Дворца. Она думала о его семье, детях, друзьях и сослуживцах. Ведь она была последней, кто видел его живым, кто говорил с ним, сидел рядом. Чувство вины не оставляло ее. Где она ошиблась? Что должна была сказать или сделать? Не должна ли она была предвидеть, допустить вероятность того, что может произойти самое страшное?

Солен вроде бы неплохо знала Артюра Сен-Клера, однако его поступок оставался для нее загадкой. Она не разглядела в нем предельного отчаяния, краха всех надежд, бомбы, готовой взорваться в любой момент.

Шок, испытанный Солен, перевернул всю ее жизнь. Она тоже упала с высоты седьмого этажа. Целые дни она проводила неподвижно в комнате с белыми стенами и занавешенными окнами. Свет был ей невыносим, малейшее движение, казалось, требовало нечеловеческих усилий. Она получала цветы от коллег из конторы и записки со словами поддержки, которые не в состоянии была читать. Она вышла из строя, точно автомобиль без топлива, стоящий на краю проезжей части. И как раз в год своего сорокалетия.

На английском термин *burn out*⁴ звучит легче, современнее, это куда лучше, чем *депрессия*. Сначала Солен просто не поверила. Какое все это имело отношение к ней, как она могла быть к этому причастна? Разве похожа она на тех чрезмерно чувствительных людей, чьи жалобы заполняют страницы журналов? Она всегда считала себя сильной, активной, динамичной. И прочно стоявшей на ногах – так, во всяком случае, ей казалось.

«Профессиональное выгорание – очень распространенное заболевание», – сказал ей психиатр спокойным, хорошо поставленным голосом. Он произносил научные термины, которые она слышала, но которых не понимала: серотонин, допамин, норадреналин, – перечисляя цветистые названия препаратов – транквилизаторы, бензодиазепины, антидепрессанты. Психиатр назначил ей таблетки: для вечернего приема – чтобы уснуть – и для утреннего – чтобы встать с постели. Таблетки, которые должны были помочь ей выжить.

А ведь все так хорошо начиналось. Родилась Солен в фешенебельном парижском квартале и была умным, отзывчивым и старательным ребенком, из тех, на которых родители возлагают большие надежды. Росла она вместе с младшей сестренкой, окруженная теплом любящих родителей – преподавателей права. Годы учебы прошли без сучка без задоринки, и в двадцать два года она стала членом Парижской коллегии адвокатов, получив место в престижной фирме. Ничто не предвещало таких сложностей в будущем. Само собой, работы был вал, часто при-

⁴ Синдром (профессионального) выгорания (*англ.*).

ходило разбирать дела по выходным, а то и по ночам, проводить с ними отпуска, само собой, она недосыпала из-за бесконечных слушаний, встреч с клиентами, собраний; ее жизнь напоминала идущий на огромной скорости поезд, который невозможно остановить. Конечно, был еще Джереми, которого она любила больше, чем всех остальных мужчин. Ей так и не удалось его забыть. Он не хотел иметь не только детей, но и никаких обязательств. О чем он прямо ей и сказал, и ее это вполне устроило. Солен была не из тех женщин, что спят и видят, как бы стать матерью. Она не представляла себя в роли одной из тех молодых женщин с натруженными руками, что пересекаются на тротуарах, маневрируя колясками. Это удовольствие она охотно уступила своей сестре, которая цвела в роли матери и хранительницы домашнего очага. Солен слишком высоко ценила свою свободу – такой, во всяком случае, она себя преподносила бойфренду. Они с Джереми жили каждый своей жизнью и были современной парой – влюбленными, но независимыми.

Разрыв произошел сам собой, она ничего не предвидела. И посадка была довольно жесткой.

После нескольких недель лечения Солен наконец-то смогла впервые выйти из палаты с белыми стенами, чтобы немного пройтись по парку. Психиатр, присевший рядом на скамейку, поздравил ее с заметным улучшением, говоря с ней ласково, как обычно говорят с детьми. Скоро она сможет вернуться домой при условии, что продолжит лечение, сказал он ей. Но Солен выслушала новость без радости. У нее не было желания очутиться дома, в полном одиночестве, без цели, без будущего.

Хороший район, прекрасная трехкомнатная квартира, всегда казавшаяся ей слишком большой и холодной. В шкафу – забытый Джереми шерстяной свитер, о котором она так ему и не сказала. И еще американские чипсы с искусственным вкусом, которые он обожал и которые она – неизвестно почему – продолжала покупать в супермаркетах. Сама-то она чипсов не ела. Шуршание пакетов, когда они вместе смотрели фильмы или шоу, ее, помнится, страшно раздражало. Но теперь она отдала бы все, чтобы только услышать его снова. Похрустывание чипсов Джереми, который сидел бы с ней рядом на диване...

В адвокатскую контору она не вернется. И не по злему умыслу. Сама мысль о том, что ей придется вновь проходить через двери Дворца правосудия, вызывала у нее тошноту. Еще очень долгое время она будет старательно обходить это злосчастное место стороной. Она попросит об отставке, *уволится* – что звучит гораздо мягче и даже предполагает возможность возвращения. Но о возвращении не могло быть и речи.

Солен призналась психиатру, что боится покинуть лечебницу. Откуда ей знать, как выглядит жизнь без привычных для нее работы, строгого распорядка, встреч с клиентами, обязательств. Без надежного якоря она боится пускаться в плавание. «Сделайте что-нибудь для других, – посоветовал он ей, – почему бы вам не заняться волонтерством?..» Чего-чего, а этого Солен не ожидала. Переживаемый ею сейчас кризис – это *кризис смыслов*, вновь сказал он. «Нужно выйти за рамки собственного „я“, повернуться лицом к другим, найти причину для того, чтобы вставать с постели каждое утро. Почувствовать себя полезной».

Он и правда может предложить ей только это – лекарства и волонтерство? Стоило ли для этого одиннадцать лет изучать медицину? Против волонтерства она ничего не имела, однако отнюдь не чувствовала себя матерью Терезой. Сможет ли помочь волонтерство в ее состоянии, когда она едва встает с кровати? Но врач настаивал. «Попробуйте» – было его последним словом, когда при выписке он подмахнул ей больничный лист.

Вернувшись домой, Солен почти все время либо спала, либо валялась на диване, проглядывая журналы и тут же сожалея, что их купила. Звонки и посещения родственников или друзей не могли развеять ее мрачного настроения. У нее не было ни малейшего желания что-либо делать или вести разговоры. Все вызывало у нее скуку. Без всякой цели слонялась она по квартире, переходя из спальни в гостиную и обратно. Время от времени Солен спускалась, чтобы зайти в бакалею за углом или заглянуть в аптеку и купить очередную порцию таблеток. А потом поднималась к себе и опять заваливалась на диван.

Как-то раз, ближе к вечеру, в один из бестолковых дней, а они все теперь у нее были такими, Солен уселась перед компьютером – макбуком последней модели, подаренным ей на сорокалетие коллегами незадолго до ее *выгорания*, который совсем мало успел ей прослужить. Так что там говорил психиатр – волонтерство? Почему бы и нет, в конце концов! Поисковик отправил ее на сайт Парижской мэрии, развернув перед ней объявления, размещенные всевозможными ассоциациями. Доменное имя ее удивило: *jemengage*⁵.fr. «Вы станете волонтером с помощью одного клика!» – обещала главная страница. Здесь же было размещено множество вопросов: «В какой области вы хотите помогать? Когда? Где?» Солен понятия не имела. Выпадающее меню перечисляло возможные направления деятельности: организация семинаров по ликвидации безграмотности, посещение людей, страдающих болезнью Альцгеймера, работа велокурьером по доставке продовольственных пожертвований, проведение ночных рейдов для «отлавливания» бездомных, поддержка малоимущих семей, репетиторская помощь школьникам из неблагополучных семей, исполнение функций модератора на судебных заседаниях по гражданским делам, спасение бездомных животных, оказание помощи людям, которых депортируют из страны, поддержка безработных, которые долго не могут найти работу, распределение еды, организация досуга в доме престарелых и больницах, посещение тюрем, сбор одежды для нуждающихся, наставничество для школьников-инвалидов, работа на горячей линии для людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, или тренером по оказанию первой медицинской помощи... Предлагалась даже миссия *ангела-хранителя*. Солен улыбнулась – где, интересно, был ее собственный? Наверное, порхал себе где-то вдали, да и заблудился в пути. Она прекратила просмотр, обескураженная обилием предложений. Все поприща были благородны и заслуживали внимания. Но сама мысль о выборе парализовала ее волю.

Свободное время – вот что было главным требованием ассоциаций. И немудрено, ведь в современном обществе у людей каждая секунда на счету. Отдать делу все свое время – это и означало заняться волонтерством по-настоящему. Времени у Солен было сколько угодно, а вот энергии ей катастрофически не хватало. Она не чувствовала себя готовой пуститься с места в карьер. Слишком уж ответственным делом было бы ввязаться в активное волонтерство. Она с большей охотой внесла бы пожертвование – это обязало бы ее куда меньше.

В глубине души она чувствовала желание отказаться. Сейчас она закроет ноутбук и вернется на диван. Спать. Час. Месяц. Год. Оглушить себя таблетками и не думать ни о чем.

Но в этот момент она заметила его. Маленькое объявление в самом низу. Несколько слов, на которые прежде не обратила внимания.

⁵ Это доменное имя буквально означает: «я включаюсь в работу», «я ввязываюсь».

Глава 2

«Требуется публичный писатель⁶. Свяжитесь с нами».

При чтении объявления по телу Солен пробежала странная дрожь. *Писатель*. Только одно слово, и пробудились воспоминания.

Адвокатом она стала вовсе не по призванию. С детства Солен поражала окружающих богатым воображением. В подростковом возрасте у нее обнаружилась ярко выраженная склонность к работе с родным языком. Учителя были единодушны во мнении, что у девочки выдающиеся способности. Множество страниц ее тетрадей были исписаны стихами и рассказами, которые она не уставала сочинять. Втайне Солен мечтала, что станет писательницей. В будущем, которое рисовалось ее воображению, она уже видела, как проведет всю жизнь за письменным столом с кошкой на коленях, как Колетт⁷, в «своей комнате», о которой говорила Вирджиния⁸.

Когда она поделилась планами с родителями, те отнеслись к ним более чем сдержанно. Оба они преподавали право и с недоверием относились к любому поприщу служителя муз, к плохо проторенным тропам, которыми ходят избранные. По их мнению, стоило посвятить себя серьезному ремеслу, признанному в обществе. Разве не это следовало в первую очередь принимать в расчет?

Серьезное ремесло. И не так уж важно, делает ли оно тебя счастливым.

«Книги не приносят денег, – говорил отец. – Если, конечно, ты не Хемингуэй, но ведь...» Он не закончил фразы. Но Солен прекрасно уловила, что он хотел сказать.

«...Но ведь все будет зависеть от твоего таланта. И еще от других людей. А также от множества вещей, с которыми не всегда можно справиться и которые часто внушают нам страх». Короче, он хотел сказать: «Брось ты все это. Не предавайся пустым мечтам».

«Лучше тебе заняться правом, – продолжил он. – А писать ты всегда можешь и для себя». И тогда Солен рассталась со своими надеждами, с кошкой на коленях и романами Вирджинии. Она встала в строй, как послушный солдатик. Если родители хотят видеть ее юристом, она оправдает их надежды. Осуществит их планы вместо своих. «Право – ключ ко всему», – прибавила мать. Но она лгала. Право не было ключом ко всему. Право упиралось только в право. Оно привело Солен в палату с белыми стенами, где она тщетно пыталась вытравить из памяти годы, которые ему посвятила. Когда родители навещали ее в лечебнице, они признавались, что не понимают ее состояния. «У тебя есть все, что только можно пожелать, – говорили они, – место в престижной адвокатской конторе, прекрасная квартира...» Ну и что дальше? – размышляла Солен. Жизнь ее походила на дом-образец, построенный для привлечения покупателей. Да, фотография превосходна, но в нем нет главного – там никто не живет. На память ей пришло высказывание Мэрилин Монро, когда-то задевшее ее за живое: «Карьера – это прекрасно, но она не сможет согреть вас в холодную ночь». Ноги у Солен были ледяными. Сердце тоже.

⁶ Во Франции – профессионал, совмещающий функции писца (для неграмотных), редактора, корректора и составителя текстов, а также нотариуса; синонимы: административный консультант, копирайтер.

⁷ *Сидони-Габриэль Колетт* (1873–1954) – французская писательница.

⁸ Речь идет о британской писательнице Вирджинии Вулф (1882–1941) и ее эссе «Своя комната» (1929).

Забыть о детских мечтах легко, достаточно просто больше о них не думать. Покрыть чехлами, как покрывают мебель в доме, который собираются надолго оставить. В первое время работы в конторе Солен еще продолжала писать, пользуясь каждой свободной минуткой, которая ей выпадала во время исполнения служебных обязанностей. Но постепенно тексты становились все более редкими. В ее загруженном под завязку рабочем дне не оставалось места для самовыражения. Адвокатская должность требует полной отдачи. Да такова и Солен – по-другому не умеет. Постепенно работа начала сжирать все ее отгулы, отпуска, выходные, свободные вечера. Одержимый монстр, которого она не в состоянии была насытить, отнял у нее все дружеские вечеринки, все ее увлечения. В том числе и любовные. Они, конечно, случались, но партнеры неизменно уходили – они признавались, что больше не в силах бороться. С ночами, проведенными ею на работе, с пропущенными ужинами из-за срочных дел в конторе, с отмененными в последнюю минуту отпусками все эти истории кончались ничем. И тем не менее Солен продолжала нести свой крест. На слезы и страдания у нее просто не было времени.

Пока не появился Джереми.

Они встретились во время выборов председателя парижской коллегии, он тоже был адвокатом – само очарование, культурный, остроумный. Солен сначала обрадовалась, что они коллеги. Джереми, как никто, мог бы ее понять, ведь приоритеты у них одни, думала она. Между тем подруга ее предупредила: «Два адвоката для пары – это перебор». И она не ошиблась.

Джереми бросил ее, променяв на менее блестящую, но куда более «доступную» женщину, с которой познакомился на ужине, куда Солен не смогла прийти из-за очередного дела, вцепившегося в нее мертвой хваткой.

Публичный писатель. Звучало внушительно. Эти два слова были как бомба замедленного действия. Солен долго не могла оторвать взгляд от объявления. Здесь же находилась ссылка на сайт ассоциации «Перо солидарности». На главной странице перечислялись обязанности публичного писателя: «Профессионал в области написания текстов разной тематики, он или она, должен полностью обладать навыками, необходимыми для успешной работы в редакции. Характер текстов может быть самым разнообразным: от писем личного содержания до официальной переписки. Требования к кандидатам: работа в режиме многозадачности, владение правилами синтаксиса, орфографии и пунктуации, наличие навыков по написанию текстов, хорошее знание административных инстанций, умение пользоваться интернетом и программным обеспечением по обработке текстов (текстовыми редакторами). Юридическое и экономическое образование приветствуются».

Всеми этими навыками Солен владела в полной мере. Необходимые для работы требования соответствовали ее компетенции до мелочей. Когда она училась в университете, профессора всегда хвалили ее за «легкое перо», безупречный стиль, богатый словарный запас. Да и в конторе коллеги частенько наведывались в ее кабинет, когда составляли документы. «Ты здорово пишешь», – говорили ей.

Сама идея использовать свой литературный талант для помощи другим людям ей понравилась. Она сможет это делать. Да, сможет, Солен точно это знала.

Последним пунктом требований к соискателю было «умение слушать собеседника». Работая адвокатом, Солен научилась отодвигать себя на задний план, давая возможность клиентам выговориться. Хороший адвокат всегда отчасти психолог, исповедник. И ей удавалось собирать неплохой урожай секретов и признаний, до сих пор державшихся в строгой тайне, короче, в тиши своего кабинета она осушила немало слез. Такой талант у нее имелся. Она была из тех, перед кем люди охотно раскрывают душу.

«Нужно выйти за рамки собственного „я“, – вспомнились ей слова психиатра. – Почувствовать себя полезной». Не раздумывая, Солен нажала вкладку «Наши контакты». Написав

сообщение, она его тут же отправила. В конце концов, это лучше, чем поджаривать себя на медленном огне, лежа на диване. И потом, «Перо солидарности» – такое красивое имя! Почему бы и не попробовать?

На следующее утро ей позвонил менеджер из ассоциации. Он представился Леонаром. По телефону его голос казался чистым и веселым. Он предложил ей встретиться в тот же день в его офисе в Двенадцатом округе. Захваченная врасплох, Солен согласилась и записала адрес на клочке бумаги.

Одевание потребовало от нее невероятных усилий. В последнее время она за собой почти не следила, таскалась по квартире одетая кое-как и спускалась, чтобы дойти до продуктового, в леггинсах и старом свитере Джереми. «Выйти из дома» по-настоящему ей дорого стоило. И она чуть было не отказалась от этой затеи. К тому же ей не хотелось тащиться на метро до этого удаленного от центра района. Не говоря уже о том, что Солен не была уверена, что способна отвечать на вопросы или поддержать разговор.

Но голос по телефону звучал вполне дружелюбно. И тогда Солен, проглотив таблетки, отправилась по указанному адресу. Местечко оказалось не больно-то привлекательным. Довольно ветхое здание в глубине тупика. Входная дверь не поддавалась. «Здесь домофон сломан, – просветил ее вышедший, к счастью, жилец, – да и лифт тоже». Солен пешком поднялась на шестой этаж, где и располагалось «Перо солидарности». Мужчина лет сорока встретил ее с распростертыми объятиями. Он был явно рад ее приходу и отвел Солен в комнату, гордо названную им «офисом ассоциации», – крохотное помещение, в котором царил невообразимый кавардак. Солен, невольно подумавшая о своей безупречно чистой квартире, никак не могла взять в толк, как можно работать в таком бедламе. Освободив стул от груды писем, Леонар пригласил ее сесть, после чего предложил чашку кофе. Неведомо отчего, Солен согласилась, хотя никогда не пила кофе, предпочитая ему чай. Жидкость оказалась горькой и почти холодной. Из вежливости она заставила себя его выпить, взяв на заметку, что в следующий раз нужно непременно отказаться.

Леонар нацепил очки и пробежал ее резюме с изумленным видом. Он признался, что ему чаще приходится иметь дело с безработными пенсионерами, чем с адвокатами из престижных контор. О причинах, приведших к такому шагу, Солен распространяться не стала. Она ничего не сказала о депрессии, «выгорании» и о смерти Артюра Сен-Клера, перевернувшей всю ее жизнь. Обращение к волонтерству она объяснила желанием сменить профессию. И речи не могло идти о том, чтобы выворачивать душу наизнанку, устанавливая доверительные отношения с первым встречным. Не за этим она сюда явилась. Пока Леонар дочитывал документ, она разглядывала детские рисунки, висевшие позади него на стене. Один из них был украшен подписью «Ятебялюблю» в одно слово, сделанной неловкой рукой. Посреди письменного стола в качестве пресс-папье высился глиняный динозавр явно ручной работы. «Это *дельтадромеус*, – уточнил Леонар. – Он похож на тираннозавра, только лапы у него тоньше. Их часто путают». Солен кивнула. Что ж, чужая жизнь порой заключается в знании сложных имен динозавров и коллекционировании любовных словечек с дурной орфографией.

Он вернул ей резюме, сделав комплимент насчет ее послужного списка и дипломов. Идеальные данные! Какая находка для их ассоциации! Когда она сможет приступить? Солен не сразу ответила, сбита с толку. Это было самое короткое собеседование, которое ей приходилось проходить в жизни. Она отлично помнила свои поиски работы, перед тем как попасть в контору в качестве штатной сотрудницы. Это был изнурительный и долгий путь. Разумеется, она не рассчитывала на тот же уровень, но думала, что они все же зададут ей больше вопросов насчет профессиональных навыков. «Нам страшно не хватает волонтеров, – признался Леонар, – недавно умерли два наших сотрудника-пенсионера». Осознав, что эта подробность вряд

ли послужит стимулом, он рассмеялся: «Нет, не все члены ассоциации умирают, кое-кто и выживает – иногда». Солен принужденно улыбнулась.

Леонар показался ей чересчур многословным, но вовсе не неприятным. От него исходила энергия деятельного человека, которая передавалась другим. Он добавил, что обычно кандидаты на должность проходят двухдневные курсы по подготовке, однако в ее случае он считает это излишним. Профессиональная подготовка Солен на высшем уровне, так что она мгновенно адаптируется. Ей придется заняться деловой перепиской, заполнять бланки, консультировать, направлять и поддерживать людей, которые обратятся к ней за такого рода помощью.

Погрузив руки в груды бумаг, загромождавших его стол, Леонар извлек оттуда листок – это только кажется, что здесь страшный беспорядок, прокомментировал он, однако ему точно известно, где находится каждый документ. Раз в неделю она должна будет посещать женский приют и в течение часа оказывать клиенткам помощь в составлении писем или прошений.

Солен на минутку задумалась. Не слишком-то ей нравилась идея работать в женском приюте. Она думала, что ей предложат какое-нибудь дело в мэрии или административном органе. Само слово «приют» означало для нее нищету, что-то ненадежное и неустойчивое. Работать в префектуре – вот что было бы оптимальным вариантом... Леонар только покачал головой, ничего подобного у него в арсенале не имелось. Порывшись в своих бумагах, он достал два листка. Были еще две вакансии – в следственном изоляторе, расположенном в отдаленном предместье, и в хосписе. Солен расстроилась. Тюрем она достаточно повидала и работая адвокатом, нет уж, спасибо, с нее хватит. Что касается умирающих... Вряд ли это лучшее занятие для того, кто хочет выбраться из депрессии. Ей захотелось немедленно уйти, внезапно она спросила себя, что она здесь делает? Какое чудовищное заблуждение направило ее сюда, в этот мрачный офис затерянного квартала? Зачем она пришла сюда, с какой целью?

Леонар молча ждал ее решения, с застывшей на губах улыбкой, с глазами, полными надежды, отчего вид у него был почти трогательный. Он ждал, как подсудимый ждет вынесения приговора. И у Солен не хватило мужества сказать «нет». Раз уж она нашла силы прийти сюда, подняться на шестой этаж и выпить самый плохой кофе в жизни. В прошлом месяце она даже не могла встать с кровати. Она не должна прекращать попытки, она обязана продолжать.

«Хорошо, я согласна, – с трудом выдавила она из себя. – Пусть будет приют».

Глаза Леонара загорелись, словно кто-то включил свет за толстыми стеклами его очков. Он напоминал ребенка, получившего неожиданно щедрый подарок. Ну конечно же, он немедленно предупредит директрису заведения! Она лично примет Солен. Какая досада, что он не сможет присутствовать на их первой встрече – у него самого целых три дежурства в неблагополучных кварталах, их невозможно перенести или отказаться. Однако он уверен, что все пройдет как нельзя лучше! Пусть в случае чего не стесняется тут же ему позвонить... На обложке проспекта ассоциации он быстро записал номер своего мобильного – к сожалению, у него нет визитки, нужно будет поскорее заказать. С этими словами он встал, довел Солен до двери и, пожелав удачи, оставил на лестничной площадке.

У нее даже не было времени возразить. Она вернулась домой с неприятным ощущением, что попала в ловушку. Нет, она зашла слишком далеко в своих экспериментах, дала себя втянуть неизвестно во что. Звучит, конечно, красиво – «публичный писатель», а вот какова окажется реальность? Вне всяких сомнений, она просто подпала под очарование этих слов.

Проглотив множество таблеток, прописанных ей врачом, она улеглась в постель.

В конце концов, сказала она себе, прежде чем провалиться в сон, может, еще не поздно и отказаться.

Глава 3

Париж, 1925 г.

*Только не сегодня вечером.
Слишком уж холодно.
Пожалуйста, не ходи!*

Из окна гостиной Альбен смотрел на засыпавшие столицу хлопья снега. Всего лишь начало ноября, а мороз по-зимнему крепкий. По аллеям вихрился ледяной ветер, срывая с деревьев последние листья. Париж будто покрывался саваном.

*Бланш, слышишь меня?
Ты сейчас не в том состоянии.*

Бланш и не думала его слушать. Она застегнула юбку, надела темно-синюю трикотажную жакетку, не обращая внимания на его протесты. Альбен беспокоился. У Бланш вновь открылся кашель. В последнее время состояние ее легких заметно ухудшилось. Ночами она почти не спала, задыхаясь от непрерывных приступов кашля, длившихся часами, а ранним утром снова уходила, без кровинки в лице. Он умолял жену побывать у врача.

Да зачем это нужно? – говорила она. Что может посоветовать ей доктор Эрвье – отдых и лечение на свежем воздухе, хорошенькое дело! Бланш не собиралась отправлять себя в добровольную ссылку в какое-нибудь унылое заведение для тяжелобольных и стариков. Тогда Альбен заговорил об их домике в деревеньке Сен-Жорж, в Ардеше⁹, где они вполне могли поселиться и жить тихо и мирно вдали от Парижа с его бешеным темпом. Как это улучшило бы ее самочувствие! Это было бы самым *разумным* решением, имел он несчастье прибавить.

Что-что, а разумной Бланш назвать было трудно. Никогда она не была такой. *Не в том состоянии... И что дальше?* – бросила она. *Отдохну, когда перейду в мир иной.* Вот, наконец-то она произнесена, эта чертова фраза! Альбеном овладело бешенство. Сколько раз он уже ее слышал. Не меньше, наверное, чем обещаний начать лечение. Жена его – одержимая. Воительница. Рыцарь. Он вдруг подумал, что она так и умрет – с мечом, в самый разгар битвы.

Поверженный, Альбен смотрел, как она выходила. Ни единый довод не в силах был ее удержать, и он это знал. На свете не существовало ничего такого, от чего Бланш отказалась бы из-за своего здоровья. Не начинать же это делать теперь, в ее-то пятьдесят восемь! Три буквы S на ее воротничке – не просто украшение. Они обозначают миссию, призвание, способ существования.

Суп. Мыло. Спасение¹⁰. Достаточно этих трех слов, чтобы выразить суть ее жизни: приходиться на помощь самым обездоленным. Таково кредо организации, в которой она служила вот уже почти сорок лет.

Бланш родилась в 1867 году в Лионе. Отцом ее был француз, матерью – уроженка Шотландии. Детство ее прошло в Женеве. Отец, пастор, умер, когда девочке исполнилось всего одиннадцать лет. Матери пришлось одной поднимать на ноги пятерых детей. В младшей из

⁹ Регион (ныне департамент) на юго-востоке Франции.

¹⁰ *Soup. Soap. Salvation* – главный девиз Армии спасения, внедренный во 2-й пол. XIX в. Уильямом Бутом.

этой братии – Бланш – рано проявилась натура деятельная и энергичная. Испытывая глубокое сочувствие к страданиям других людей, она постоянно бунтовала против любых форм несправедливости. В школе для девочек, куда ее отдали, она всегда вставала на сторону младших учениц, защищая их от великовозрастных обидчиц, за что ей частенько доставалось. Нередко Бланш возвращалась из школы с содранными коленками, в грязной и порванной одежде. Мать строго ее наказывала, но все было тщетно. Она так и не сумела разглядеть за чрезмерной чувствительностью и воинственностью дочери тот особый дар, что приведет ее к великим свершениям, позволив взять на себя тяжелейшую и благороднейшую из миссий.

Когда Бланш была еще подростком, она очень любила повеселиться. Она прекрасно ездила верхом, каталась на коньках, занималась греблей, обожала танцы. С подругой Лулу они совершили кучу шалостей. «В Бланш определенно есть изящество и бездна энергии», – говорили о ней в семье. Та, которую называли «маленькой светской львицей», казалось, хотела перепробовать все развлечения, которые только могло ей предложить женевское общество.

В семнадцать лет ее отправили в Шотландию, в семью ее матери, которая сочла, что «смена обстановки» окажет на нее благотворное воздействие. На одном из светских раутов она повстречала ту, которую прозвали Маршалышей, – Катерину, старшую дочь английского пастора Уильяма Бута. Бланш была наслышана об этом человеке, которого многие считали одержимым из-за его мечты изменить мир, искоренив нищету и несправедливость. Исповедуя убеждение, что «некоторые битвы стоят целой армии», он создал организацию, построенную по военному образцу, где имелись специальная школа, свое знамя, форма, строгая иерархия, в том числе и звания, – набор был полным. Главной целью движения провозглашалась борьба с нищетой, независимо от национальности, расы и религиозной принадлежности людей. Так, рожденной в Англии Армии спасения очень скоро предстояло завоевать весь мир.

Во время той знаменательной встречи в Глазго, где Маршалыша собирала пожертвования, она неожиданно спросила Бланш: «А чему вы собираетесь посвятить свою жизнь?» Девушка оторопела. Слова эти прозвучали в ее душе, словно голос необыкновенной чистоты в соборе. Она испытала шок. Будто сами небеса звали к ней. Слова Катерины прозвучали отголоском фразы, однажды услышанной в храме, которая ее заинтриговала. «Оставь все и обретешь все».

Все отдать. Оставить все. Способна ли на это она, «маленькая светская львица», обожающая развлечения? Неожиданное призвание словно упало на нее свыше. Собственный порыв и этот восторг поразили ее. Не должно ли это стать ее миссией, смыслом жизни?

С пылью смешай свое золото,
Сокровища из Офира – с речной галькой¹¹.

Книга Иова указывала путь, по которому она должна следовать... Бланш продала свои драгоценности и пожертвовала деньги Армии спасения. Вместо огорчения она почувствовала удивительную легкость. Этот поступок ознаменовал собой начало ее приверженности делу борьбы с несправедливостью. Слова Иова станут для нее тем светильником, который будет направлять ее на верный путь не только в земной жизни, но и за ее пределами.

Вернувшись домой, Бланш объявила о своем решении войти в ряды Армии спасения. Она поступит в военную школу Парижа! Мать попробовала удержать ее от этого шага: она знала условия жизни салютистов¹² – старший брат Бланш тоже недавно в нее поступил. Она боялась за свою младшую дочь, которой предстояло далеко не безопасное существование,

¹¹ Книга Иова. Глава 22, стих 24.

¹² Так называли членов Армии спасения.

полное трудностей, далекое от той защищенной среды, в которой она выросла. К тому же Бланш отличалась хрупким здоровьем, у нее были слабые легкие. С самого детства ей приходилось периодически проходить курсы лечения. Даже брат пытался отговорить девушку, но безуспешно. Бланш ничего не желала знать, ничего не видела впереди, кроме избранного пути, кроме этой приверженности делу справедливости, которому она готова была посвятить свою жизнь.

Она не представляла для себя жизни, ограниченной контурами семейного очага. Нет, теперь для нее открывались необозримые горизонты. В присоединении к Армии спасения Бланш видела больше, чем просто служение делу, это был способ избежать проторенного жизненного пути, который ей предназначался. В конце XIX века девочке из буржуазной среды открывалось слишком мало возможностей. Монастырское воспитание, а затем брак с мужчиной, которого она не выбирала. «Мы воспитываем их как святых, а затем случаем, как молодых кобылок», – писала в свое время Жорж Санд, наотрез отказавшаяся хранить девственность до брака, к чему ее понуждали. Работающая женщина плохо воспринималась обществом. До этого могли опуститься только вдовы и незамужние. Да и те могли работать лишь служанками, швеями, артистками либо проститутками.

С момента создания Армии спасения Уильям Бут учредил в ее рядах абсолютное равенство полов. Женщины, кстати, были в большинстве: ими были семь из десяти офицеров. Бут давал им полную свободу проповедовать, вызывая тем самым бурное негодование в других религиозных учреждениях. Он не стеснялся провозглашать это во весь голос во время собраний: «Мои лучшие мужчины – это женщины!» Такое поспание вековых традиций шокировало, приводило к скандалу. В Лондоне осмеивали офицеров-салютисток в униформе и шляпах «Аллилуйя» с широкими полями, которые те не снимали ни зимой, ни летом. В Париже им вслед мяукали, когда они проходили по улицам, освистывали, когда они пытались выступить на публике, на них шикали, не давая говорить. Их осыпали бранью, говоря, что стоит им открыть рот, как оттуда вывалятся жабы, называли «мужиками в юбках», «солдатками опереточной армии». Бланш глубоко презирала эти насмешки и оскорбления. Она способна проповедовать не хуже любого мужчины. И собиралась это доказать.

В окружении Бланш ее решение вступить в Армию спасения было встречено в штыки. Пытаясь ее отговорить, лучшая подруга Лулу писала: «По-прежнему убеждена, что не женское это дело – гонять по парижским улицам, а женщина-проповедник – это так же нелепо, как мужчина, штопающий чулки. Уверена, что единственно достойной и благородной миссией женщины является создание домашнего очага, семьи, в которой она, тихо и незаметно, не выставляя себя напоказ, обеспечит счастье супругу и детям». Напрасный труд. Бланш не имела намерения всю жизнь чинить чулки. Роль безмолвного статиста – не для нее. Она мечтает выйти на сцену, стать полезной людям, «сделать что-нибудь для Франции», – говорит она. Протесты, уговоры и мольбы ни к чему не привели. Бланш навсегда покинула Женеву, чтобы поступить в Парижскую военную школу.

В здании, расположенном на авеню де Ломьер, где разместили новобранцев Армии спасения, Бланш впервые столкнулась с суровыми буднями. Независимо от звания все солдаты испытывали массу неудобств от бесконечных побудок по тревоге, холода, длительного воздержания от пищи. Жили они в большой нищете. Нередко на обед Бланш приходилось варить еду из крапивы. Если в Англии и Швейцарии движение салютистов нашло общественную поддержку, то Франция активно ему сопротивлялась. Страна с прочной католической традицией недобро поглядывала на эту армию протестантов, набирающую силу. Повсюду на ее территории офицеры-салютисты подвергались преследованию. Их забрасывали камнями, били

не только кулаками, но и ногами, затаптывали лошаадьми, закидывали мусором, ошпаривали кипятком. Вечером, возвращаясь на авеню де Ломьер, Бланш приходилось чистить шляпу и одежду от гнилых яиц, овощных очисток, крысиных шкурок, которые в нее бросали по дороге. Один из молодых солдат был избит до смерти. Бланш была потрясена, но отступить не соби-ралась. Разве не в час наивысшей опасности проверяется подлинность призвания? Ее посвя-щение было полным, абсолютным. Оно не могло быть поколеблено сомнениями, голодом или холодом. Бланш казалось, что отныне вся ее жизнь сосредоточена на этой борьбе, она – в ее руке, протянутой тем, у кого ничего нет.

Армия спасения отвечала всем ее интересам и идеалам: сочувствие к чужому страданию, способность к самопожертвованию, культ героизма, жажда приключений. Форма, сидевшая на Бланш как влитая, очень ей шла. Ее матери еще долго придется ждать возвращения «маленькой светской львицы». Она-то надеялась, что лишения сломят волю дочери, но она ошибалась. Именно в Армии спасения редкий дар Бланш сумел найти истинное воплощение.

Дав надежду молодому капитану, вскоре Бланш разорвала помолвку: цепи ей ни к чему, ничто не должно ограничивать свободу действий. Вряд ли ее миссия сочетается с семейными узами. Она дает клятву, что останется одна, как и ее подруга Эванджелина, любимица семей-ства Бутов, с которой она недавно познакомилась в рядах Армии. Дружба их продлится целую жизнь. Они вместе дали клятву, что сохранят безбрачие, чтобы лучше служить организации, которой решили себя посвятить. Две монахини в военной форме. Два солдата.

Однако произошла встреча, которая заставила Бланш изменить это решение.

Его звали Альбен.

Ему было девятнадцать лет, и его улыбка была способна обратить в прах любую клятву.

Глава 4

Париж, наши дни

Достаточно одного звонка, чтобы все отменить. Солен позвонит Леонару и скажет, что передумала. Скажет, что ошиблась и собирается скоро вернуться в контору на полный рабочий день. Что-что, а лгать она умела. За годы работы адвокатом Солен постоянно практиковалась во вранье. И все же она колебалась. Не будет ли это означать, что она просто предпочла остаться в зоне комфорта, спасовала перед трудностями? Она оглядела свою чистенькую, удобную квартирку, эту золотую клетку, куда она добровольно себя заключила. Разве не требовалось ей настоящей, хорошей встряски, разве не следовало уйти с проторенной дорожки? Ведь она привыкла следовать путем, который за нее прокладывали другие, не настал ли час с него наконец сойти?

Приют для женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Ей ни разу не доводилось бывать в подобном месте. Что ее могло там ожидать, кто знает? Преступницы, бездомные, изгой, жертвы домашнего насилия, проститутки... Она испугалась, что недостаточно сильна для противостояния всему этому. Выросла она вдали от нищеты, в защищенной среде. Да и в конторе ее клиентами были только финансовые воротилы. Бандиты по большей части, но в костюмах от Чифонелли¹³. От бедности, настоящей бедности, она была отделена высокой стеной. Она знала о ней только из газет или телепередач, а если и видела, то тоже лишь издали, всегда находясь по ту сторону барьера. Разумеется, ей было знакомо слово «нищета», навязчиво звучавшее в средствах массовой информации, но она никогда вплотную не соприкасалась с тем, что оно означает. Опыт ее общения с бедностью ограничивался наблюдением за молоденькой нищенкой, стоявшей возле булочной с протянутой рукой в надежде, что ей подадут монетку или кусочек хлеба. Она стояла там всегда – в дождь, снег и ветер, – поставив перед собой жестяную кружку. Солен видела ее каждое утро. И у нее ни разу не возникло мысли остановиться. И не из-за презрения или равнодушия – просто потому что она привыкла постоянно ее там видеть. Нищенка была частью картинки, только и всего. Она прекрасно вписалась, войдя мелкой деталью в утренний городской пейзаж. Дадут ей монетку или нет, какая разница – нищенка будет завтра снова, а тогда зачем? Ответственность каждого растворяется в ответственности всего общества. Научно доказанный факт, что при частом столкновении с насилием человек перестает на него реагировать. То же и с нищетой. А ведь Солен вовсе не какая-нибудь особая эгоистка, она точно такая же, как те миллионы спешащих по своим делам мужчин и женщин, которые снуют по парижским улицам, не оборачиваясь. Каждый за себя, и Бог – за всех. Если, конечно, Бог есть.

Несмотря на таблетки, Солен провела бессонную ночь. На следующий день ей был назначен прием у директрисы приюта. Прокрутив в голове все возможные причины, чтобы отказаться от встречи, Солен приняла решение. Нет, она обязательно пойдет. Тогда, по крайней мере, она сможет сказать самой себе, что попыталась. Если уж обстановка там покажется ей слишком мрачной и депрессивной, она позвонит Леонару и откажется. В конце концов, она только начала поправляться, и волонтерство обязано пойти ей на пользу, а не стать еще одним наказанием.

¹³ Престижное итальянское ателье по пошиву мужской одежды.

На встречу она, по своему обыкновению, пришла заранее. Давний рефлекс, приобретенный за годы работы. «Точность – вежливость королей». Она всегда уважала этот принцип и следовала ему неукоснительно, словно прилежная ученица. Такой она всегда и была – умницей и примерной. Ей вдруг до безумия захотелось бежать отсюда, не идти ни на какую встречу. Захотелось не извиняться за опоздание, поступить хоть раз в жизни невежливо и некультурно и абсолютно за это не переживать.

Конечно же, она ничего подобного не сделает. Солен позволила себе только зайти в кафе, расположенное по соседству, и заказать чашку чая – с утра у нее не было во рту маковой росинки, и в горле стояла сухость. Оглядевшись вокруг, она внезапно осознала, что сидит в одном из печально известных кафе, пострадавших в результате терактов 13 ноября 2005 года – «Ля Бель Экип». Два десятка жертв, которые, как она сейчас, заглянули сюда, чтобы пропустить стаканчик или выпить чая. От этой мысли Солен пробрала дрожь. Она подумала о хозяине заведения, его клиентах, завсегдатаях. Что, интересно, пришлось им сделать, чтобы продолжать подниматься по утрам с постелей? Как им удалось это пережить? Она стала разглядывать людей, сидевших на террасе, их лица, выражения. Как ни странно, она вдруг почувствовала удивительную близость к ним. Возможно, они стали такими же, как она, – хрупкими и уязвимыми? Обрели они вновь вкус к жизни, прежнюю беззаботность и раскованность? Или эти ощущения исчезли для них навсегда? Солен подумала о будущем. Что ее ждет впереди? Интересно, у него один сценарий развития или больше? Все ей показалось в этот момент зыбким, непредсказуемым. Ну, предположим, займется она волонтерством по несколько часов в неделю, а что потом? От этого вопроса она почувствовала легкое головокружение. По крайней мере, хорошо одно – ее сбережений хватит на какое-то время.

Пора идти. Положив на стойку несколько монет, Солен перешла улицу и остановилась перед гигантским строением. Да, уют оказался совсем не таким, каким она его представляла – низеньким ветхим домиком где-то в глубине двора. Оказалось, что это большой угловой дом в шесть этажей, широкий фасад выходил на перекресток. Огромная декоративная арка в форме полукруга возвышалась над входом, по обеим сторонам находились две медные таблички. Заинтригованная, Солен подошла поближе. Здание было построено в начале двадцатого века. Отнесенное к числу исторических памятников, оно имело название – «Дворец женщины». Странное название. Оно вызывало ассоциации с чем-то величественным, наподобие дворца королевы. Но уж никак не походило на имя приюта для женщин в трудной ситуации.

Солен поднялась по ступенькам, ведущим к входу. Одна дверь предназначалась для тех, кто там жил. Вторая была снабжена звонком и надписью «Для гостей». Солен нажала кнопку и прошла в глубь Дворца.

В приемной за современной стойкой-ресепшен чем-то была занята молодая сотрудница. Она предложила Солен сесть и немного подождать. На креслах лежала какая-то женщина, обставленная огромными сумками. Несмотря на окружающий шум, она крепко спала. Можно было подумать, что она свалилась сюда после долгого путешествия, длившегося по меньшей мере тысячу лет. Солен не рискнула туда подойти из страха ее разбудить. Ничего, она постоит, так даже лучше.

Приход директрисы вывел ее из задумчивости. Она почему-то представляла себе женщину в возрасте, но та оказалась ее ровесницей – лет сорока, с короткой стрижкой и энергичным рукопожатием. Та провела ее в просторный зал, оказавшийся «большим фойе» приюта. Помещение было очень светлым, с множеством комнатных растений, плетеными креслами и роялем. Широкие полосы света, проникавшие сквозь мансардные окна первого этажа, придавали комнате дружелюбную и теплую атмосферу. Это «сердце» и «главный нерв» Дворца,

пояснила ей директриса. Наши постоялицы часто собираются здесь поболтать. Тут же проводятся и некоторые мероприятия. Она посоветовала Солен проводить свои дежурства в большом фойе, где она будет более доступной для клиенток, чем в официальном кабинете. Затем директриса предложила посетить другие общественные помещения, поскольку в частные отсеки и спальни посторонним доступа нет. Когда они вместе направлялись в спортзал, путь им преградила молодая женщина во флуоресцентном свитере и выцветших джинсах, которая обратилась к директрисе с возмущенным видом. Так не может дольше продолжаться! Эти проклятые «африканские теткы» снова шумели до полуночи! Она хочет сменить этаж, она больше не выдержит! Обиженное лицо девушки пылало негодованием. Директриса ответила, что она сейчас занята, но пообещала поговорить с «африканскими тетками». Ну а в том, что касается смены студий, так они с ней это уже обсуждали: правила Синтии известны. Та, прежде чем уйти, раздраженно пробормотала несколько слов. Директриса извинилась перед Солен за этот квартирный инцидент. Некоторые обитательницы приюта не умеют вести себя должным образом, объяснила она. Здесь всегда приходится управлять людьми, улаживать всевозможные конфликты. Различие культур и зачастую распушенность женщин создают страшное напряжение. Все они очутились здесь, пройдя свой особый путь. Нередко они приходят сюда, разорвав связи со своей средой, своими семьями. Прежде всего необходимо помочь им встать на ноги, примириться с обществом. Жить вместе – идея хорошая, но на этом пути столько трудностей...

Они наконец дошли до спортзала, который в этот ранний час был еще пуст. Просторный, со свежим ремонтом, с зеркалами во всю стену, точно танцевальный зал. В углу громоздились снаряды по последнему слову спортивной моды. Давненько Солен не посещала таких мест! А ведь когда-то и она ходила на тренировки, у нее даже был абонемент в спортивный клуб ее квартала, который она очень скоро перестала посещать, – там она просто даром тратила время. После спортзала директриса отвела ее в библиотеку – просторную комнату с узким проходом между книжными стеллажами. «До чего же трудно приобщать наших жилищек к чтению», – призналась она. Кое-кто из них умеет немного читать, но большинство – нет. Да к тому же языковой барьер: многие очень плохо владеют французским. Правда, два раза в неделю им предоставляется возможность посещать специальные курсы.

Они прошли через музыкальный зал с двумя пианино, несколько мелких конференц-залов, чайный салон «под старину», после чего очутились в очень большом помещении для торжественных приемов. «Когда-то здесь находилась общественная столовая, – пояснила директриса, – чуть ли не весь квартал приходил сюда поесть. Теперь в этом зале мы устраиваем праздники, такие, например, как ежегодный рождественский ужин. В остальное время сдаем его для проведения различных мероприятий. Некоторые известные дизайнеры проводят тут распродажи и даже устраивают показы. „Недели моды“, кстати, тоже часто проходят у нас». Солен не могла не выразить удивления. Принимать кутюрье высокой моды в месте, где женщины с трудом могут себе позволить жалкую одежку, нет ли во всем этом бестактности? Директриса улыбнулась. «Вполне понимаю ваше недоумение, – ответила она. – Но многие бренды охотно уступают нам почти за бесценок нераспроданный товар. И потом, наши женщины обожают присутствовать на показах. Разве это не прекрасный повод лишний раз распахнуть пошире двери нашего заведения? Ведь суть социальной адаптации вовсе не в смешении культур и религий, здесь это происходит естественным образом, а в том, чтобы пустить извне потоки жизни в стены Дворца».

«Наше хозяйство имеет сложную структуру», – продолжила она. В приюте соседствовали различные формы размещения постояльцев. Имелась так называемая Резиденция, включавшая триста пятьдесят студий с туалетом и ванной комнатой, а в некоторых были и маленькие кухни, остальные жильцы пользовались общей кухней. Обычно их занимали одинокие женщины, получавшие пособие по безработице либо минимальную социальную помощь, которые

вносили очень скромную арендную плату. Наряду с постоянным жильем во Дворце располагался «Центр по временному размещению и стабилизации», когда речь шла о самых неотложных случаях. В нем принимали всех, главным образом тех, кто оказался в «затруднительном административном положении», то есть без документов. В основном там поселяли женщин с детьми. Примерно сорок комнат были зарезервированы для «Центра размещения мигрантов». Контингент в основном там зависел от политической ситуации в мире. В настоящий момент прибыло много людей из Африки, живших к югу от Сахары – из Эритреи и Судана. И наконец, небольшой пансион из двадцати квартир был оборудован совсем недавно для семей и супружеских пар.

Всего здесь проживали более четырехсот человек. Не считая пятидесяти семи сотрудников, среди которых были социальные работники, воспитатели младшей возрастной группы детей, обслуживающий персонал, административные служащие, бухгалтеры и технические специалисты. На Солен рассказ директрисы произвел должное впечатление. Да этот приют был просто Вавилонской башней! Здесь перемешивались все религии, языки и традиции. «Уживаться им друг с другом не всегда легко, – продолжила директриса. – Четыреста женщин – это почти всегда сплошной шум и гам. Все они разговаривают, ругаются, напевают или рыдают. А иногда и устраивают потасовки. Сначала оскорбляют друг друга, а потом мирятся. Владельцы соседних зданий то и дело оставляют в приемной жалобы». Она со своей стороны делала все возможное, чтобы усмирить обе стороны. Некоторые из соседей шли ей навстречу, но другие предпочитали переселяться в другие места.

«Так что здесь далеко не рай, – заключила она, провожая Солен до фойе, – но зато у женщин есть крыша над головой. Во Дворце они в безопасности. В среднем они живут в приюте года по три, но некоторые остаются у нас гораздо дольше – например, наша старейшая жительница прибыла сюда четверть века назад. И по сей день говорит, что не ощущает себя готовой к отъезду. В этих стенах она чувствует себя защищенной».

Солен вышла из приюта с чувством, близким к удовлетворенности. Место оказалось более приятным, чем она его представляла. Много света, кругом кипит жизнь. Может, в конце концов, не так уж это страшно – один час в неделю посвящать волонтерству? Ну, напишет она несколько писем, только и всего. Зато сможет сказать психиатру: «Я это сделала!» Вполне возможно, эксперимент с волонтерством обойдется ей малой кровью.

К себе в квартиру она вернулась почти налегке. И ночью хорошо спала – безо всяких лекарств.

Однако Солен и представить не могла, что ее ждало впереди.

Глава 5

И вот он наступил, этот день. Первый день работы Солен во Дворце в качестве публичного писателя.

Расписание ее дежурств они составили вместе с директрисой. Она посоветовала Солен делать это вечером по четвергам. Ежедневно в послеобеденное время женщины занимались зумбой¹⁴. Вечерами в другие дни тоже предлагалось множество мероприятий: уроки живописи, гимнастики, французского языка, пение, йога, компьютерный ликбез или английский. По ее словам, четверг был отличной незанятой нишей.

В первый момент – сработал рефлекс юриста – Солен сказала, что даст согласие после того, как просмотрит свое расписание. Но тут же спохватилась. Да, конечно, четверг ей подходит. Она, правда, удержалась от признания, что все дни теперь ей подходят, поскольку она неделями не знала, чем себя занять. Но ведь каждому известно: чтобы в тебя поверили, очень важно дать понять, что ты – занятой человек.

Этим утром она проснулась очень рано, нервничая от одной мысли, что ей придется осваивать волонтерство в одиночку. Все-таки Леонар совсем ее к этому не подготовил. «Все будет хорошо!» – только и сумел он сказать со свойственной ему восторженностью. И она немного на него сердилась за этот явно притворный оптимизм. Сообщив ему о своем намерении, она, правда, скрыла, что вовсе не уверена, что туда пойдет. Визит в приют, однако, убедил ее в одном: Дворец женщины не имел ничего общего с убогими грязными приютами, которые рисовало ей воображение. Если чего она и боялась, то лишь первого контакта с его обитательницами. Директриса ее предупредила, что не исключено, что сначала к ней отнесутся с недоверием. Нимало не приукрашивая, она набросала ей коллективный портрет приютских женщин. Не для того, чтобы напугать, а чтобы подготовить. У одних имелись серьезные заболевания, проблемы с алкоголем или наркотиками, другие погрязли в долгах. Были среди них бывшие проститутки, правонарушители в процессе реабилитации, были калеки, пострадавшие от тяжелой работы, мигрантки, большую часть своей жизни проводившие в бегах. И абсолютно все на собственной шкуре ощутили, что такое нищета. Всех их коснулись в той или иной мере насилие, безразличие общества. Все они оказались выброшенными на обочину.

Как обычно, Солен явилась вовремя. Нажав кнопку «Для гостей», она переступила порог Дворца. В просторном фойе в конце дня было тихо. Небольшая группа африканок пила чай, сидя в плетеных креслах. Неподалеку от них парочка вела оживленный разговор на непонятном ей языке – волоф или суахили. Возле них, покачиваясь при каждом шажке, по плиточному полу сновал годовалый ребенок в одних носочках.

Солен никак не могла решить, где ей пристроиться. Оглядевшись, она увидела в углу столик с приставленными к нему двумя стульями и уселась на один из них. Она достала из сумки блокнот и свой новехонький ноутбук. Внезапно ей стало стыдно выставлять здесь напоказ свою супермодную технику. Ведь ноутбуки и компьютеры – своего рода показатель обеспеченности. Где-то она читала об исследовании американского ученого, утверждавшего, что только по модели смартфона легко сделать вывод о доходах человека. Разве не было это бестактностью – публично демонстрировать свой уровень жизни? Она прокляла себя за то, что не подумала об этом раньше. У нее мелькнула мысль поскорее убежать отсюда и где-нибудь спрятаться. Но было слишком поздно. Время ее дежурства пошло.

¹⁴ *Зумба* – смесь фитнеса с танцами (упрощенная версия сальсы, меренге, мамбы, румбы и проч.). Автором этого широко распространенного по всему миру спортивного нововведения является Альберто Перес, фитнес-инструктор из Колумбии.

Сидевшие почти рядом африканки разглядывали ее с отрешенным видом. Казалось, они задавались вопросом, что делает здесь эта фря со сверкающим новеньким компьютером и фирменной сумкой? Холл пересекли несколько обитательниц приюта, бросив на нее все тот же равнодушный взгляд. Солен не решилась с ними заговорить и представиться. Из лифта вышла женщина с кучей сумок в руке. Солен узнала ту, что спала на креслах приемной в день ее первого посещения. Она была все так же нагружена, как и в прошлый раз. Незнакомка искала глазами кого-то в зале. Наверное, она ко мне, это моя первая клиентка, подумалось Солен, и пульс у нее участился. Ничуть не бывало. Женщина подошла к свободной банкетке, расставила сумки возле себя и улеглась. Закрыв глаза, она мгновенно уснула.

Солен занервничала. Шли минуты, одна за одной, а к ней никто не обращался. Тогда она принялась разглядывать холл: стены, отделанные барельефами, и пол, керамическая плитка которого была выложена так, что изображала странный символ – огромную букву S, украшенную двумя перекрещенными мечами, расположенными позади креста, и увенчанную короной. Внизу в виде ленты шла надпись: «Армия спасения». Солен продолжила свои наблюдения. За напольным растением в кадке сидела и вязала женщина с короткой стрижкой, настолько тоненькая и невзрачная, что Солен не сразу ее заметила. Сдвинув к кончику носа маленькие очки, женщина, казалось, была настолько поглощена своим занятием – она вязала свитер английской резинкой, – что ничего вокруг не видела. Спицы ее двигались туда-сюда, но лицо словно застыло, оно не меняло выражения. «Какая странная, – подумала Солен, – будто сделана из картона». Вязальщица словно и не находилась посреди уютского холла, а была в полном одиночестве на необитаемом острове.

Солен уже начала задаваться вопросом, зачем, в самом деле, она здесь торчит? Директрисе следовало бы предупредить своих подопечных о ее приходе. Но, разумеется, та не удосужилась. Или женщины решили над ней поиздеваться? Она рассчитывала на более дружественный прием. Какая пустая трата времени! Здесь она абсолютно никому не нужна.

В холл вошла женщина с кожей цвета черного дерева, нагруженная сумками с продуктами. Задержавшись возле африканок, занятых чаепитием, она обменялась с ними парой фраз и продолжила путь. За ней шла пятилетняя девочка с пакетиком жевательного мармелада в руке. Головку девочки покрывали мелкие косички, украшенные разноцветными бусинками. Глаза ее напоминали гагат. Она посмотрела на Солен с удивлением – похоже, только она одна ее и заметила. Подойдя к Солен без приглашения, девочка остановилась и принялась разглядывать ее костюм, пальто, новенький макбук. А потом вдруг протянула ей конфету, уже наполовину изжеванную. Солен не знала, как ей поступить: она была поражена, и в то же время это ее позабавило. Сделав свое подношение, ребенок догнал мать и исчез в направлении лифтов. Пораженная Солен долго оставалась неподвижной, с конфетой в руке. Первым побуждением было немедленно ее выбросить, однако она не двинулась с места. Это же подарок, сказала она себе. Приветственный дар. Она завернула ее в бумажную салфетку и положила в карман пальто.

Настенные часы показывали почти семь. За время ее дежурства к ней так никто и не подошел. Солен вздохнула. Нулевой результат. Разочарованная, она закрыла ноутбук и убрала блокнот. Так вот, оказывается, каково оно, это волонтерство, призванное помочь ей выкарабкаться из депрессии? Ну не насмешка ли?.. Она уже было поднялась, чтобы уйти, как вдруг показалась пожилая женщина, волочившая за собой сумку на колесиках. Направилась она напрямиком к Солен. «Так это вы можете прочесть письма?» – бросила она ей без обиняков, как бросают кость собаке. Говорила она с сильным акцентом – славянским или, может, румынским. Солен, захваченная врасплох, ответила: «Я, наоборот, помогаю писать письма, но, наверное,

могу и прочесть...» Женщина полезла в сумку и достала оттуда целую кучу самой разной корреспонденции: конверты со штампами организаций, почтовые открытки, листовки, рекламу. Сумка была набита до краев. Вывалив все это на стол перед носом похолодевшей от ужаса Солен, она сказала: «Прочти. Пожалуйста!»

На мгновение Солен застыла в нерешительности, не зная, как выбраться из непростой ситуации. «Все я прочесть не смогу... Попробую прочитать вам открытки, если вы так настаиваете». Она извлекла из кучи несколько открыток и пришла в панику... Все они были написаны кириллицей. Посмотрев на почтовый штемпель одной открытки, она поняла, что та пришла из Сербии. Остальные были написаны тем же почерком, наверное, это был кто-то из членов ее семьи или знакомый. «Простите, я не знаю этого языка», – честно призналась она. Без комментариев женщина запихала их обратно в сумку и подала ей официальные письма. Среди них Солен сразу узнала конверт из Фонда семейных пособий, ответственного за выплату финансовой или социальной помощи, семейных пособий и дотаций. Это был запрос на подтверждение данных, необходимых для того, чтобы частное лицо могло воспользоваться льготами. Солен попыталась объяснить женщине, в чем состояла суть запроса, однако та ее почти не слушала и быстро затолкала письмо обратно в сумку. Та же картина повторилась и со счетом на мобильный телефон, где предупреждали, что если в течение месяца он не будет оплачен, то оператор будет вынужден отключить абонента от сети. Впрочем, счет был датирован прошлым годом. Солен предложила своей собеседнице записать, на какие письма следовало срочно ответить, какие счета необходимо оплатить. Но та лишь помотала головой. «Я запомню. Всё тут», – сказала она, постучав себя по лбу, и очередной конверт был отправлен в сумку. Солен тем временем продолжала вскрывать конверты, ей пришлось читать даже рекламу – клиентка на этом особенно настаивала – с предложениями от производителей очков, ставен, смартфонов, DVD-плееров, новейшей сигнализации, одежды, парфюмерии, игрушек, а также сообщения о проведении акций в разных магазинах. Бесчисленные брошюры, похожие одна на другую, абсолютно неинтересные.

Когда Солен вновь посмотрела на настенные часы, оказалось, что прошло два часа. Дольше здесь оставаться она не могла. Холл опустел, чаевницы исчезли, вязальщица тоже. Но сидевшая рядом с ней сербка, похоже, никуда не торопилась. «Закончим в следующий раз, – решительно заявила Солен, – а сейчас я должна уйти». Женщина покорно согласилась. Она снова открыла сумку, запихнула туда всю оставшуюся рекламу и письма, которые они не успели раскрыть, смешав их с уже прочитанными, и ушла, даже не поблагодарив. Немного разочарованная, Солен надела пальто и направилась к выходу. Какой странный день. Не слишком удачное начало... «По крайней мере, я кому-то помогла», – заключила она, стараясь придать смысл своему сегодняшнему, довольно нелепому, сеансу волонтерства.

Выходя из здания, в подъезде она вдруг увидела сербку, которая, наклонившись над урной, вываливала туда содержимое своей сумки. Солен остановилась как вкопанная.

Было девять вечера. Ее первое дежурство во Дворце только что закончилось.

Глава 6

Ну и зачем?

Вернуться туда, чтобы делать что?

Леонар только что позвонил Солен, чтобы узнать, как прошло ее первое дежурство во Дворце. Она ответила ему раздраженным тоном. Она напрасно потеряла там время! Приютским не был нужен никакой публичный писатель. У них полно других неотложных дел – чай распивать или вязать свитера. Они попросту ее игнорировали. Солен чувствовала себя осмеянной, хуже того, совершенно бесполезной. Это если не считать старухи сербки, которой, как ей сначала показалось, она помогла, прежде чем убедиться в полной нелепости ее просьбы.

Пожертвовать своим временем ради кого-то... Отличная идея, но еще нужно, чтобы кому-нибудь понадобилась ее жертва! Это все равно что вилами по воде писать. Нет, она ни за что не станет повторять этот эксперимент. Ноги ее там больше не будет. Бесполезно настаивать.

На том конце провода Леонар не сдавался. Конечно, он понимает ее разочарование. Он испытал примерно то же самое в начале, когда ему пришлось работать в мэрии округа, куда его направили. Солен не должна отчаиваться. Обитательницы приюта ее сторонятся, проявляют к ней недоверие? Разве это не повод постараться переломить ситуацию, доказать свои способности! Она обязательно должна завоевать доверие этих женщин, приручить их. На это потребуется время, однако он уверен, что у нее все получится. Он настоятельно просил ее дать Дворцу второй шанс.

Леонару не удалось успокоить Солен, его реакция ее еще больше разозлила. Она не собирается совершать над собой насилие вторично. И не будет она пресмыкаться перед этими женщинами! Не умеет она этого делать. Очень жаль, но это явно была ошибка. Она не тот человек, ее миссия на этом закончится.

С этими словами она повесила трубку, положив конец разговору. Нет, вторично она не попадет в ловушку. Оптимизм Леонара ее раздражал. Раздражала его готовность видеть во всем плюсы, этот особый склад мышления, позволяющий считать, что в любом случае все будет хорошо. Какая наивность! Нет, далеко не все бывает хорошо. Земля вращается вовсе не так, как должна бы. Например, у приютских женщин нет ничего – ни денег, ни привязанностей, ни связей в обществе, ни образования. И хотя она сама живет в прекрасной квартире и у нее есть подушка безопасности в виде трех банковских счетов, разве она не несчастна, как никто другой в жизни?

Да без таблеток она порой не может утром встать с постели. Нет уж, хватит с нее этих разговоров, что все будет хорошо. Мир прогнул насквозь, вот единственная правда жизни.

У нее не было ни малейшего желания идти на поводу у Леонара. Всю жизнь ей приходилось делать то, что от нее ожидали другие. Адвокатом она стала, чтобы удовлетворить чаяния родителей. Ради Джереми она подавила в себе желание иметь ребенка. Самое время вступить на свой собственный путь, думать о своих желаниях. Научиться говорить «нет», наконец.

Только какой он, этот ее путь? В свои сорок лет Солен так и не смогла определить, кто она на самом деле. Она снова пойдет на консультацию к психиатру и скажет, что попробовала себя в волонтерстве, но этот путь ей не подошел. Она попросит дать ей другой совет и – выписать другие лекарства.

Надевая пальто, чтобы выйти из дома, Солен неожиданно нащупала в глубине кармана свернутый бумажный платочек. В нем оказалась начатая жевательная конфета «Харибо», полученная в подарок от маленькой девочки. Так и не решившись ее выбросить, Солен опустила ее в пустую банку из-под варенья. Она вспомнила взгляд ребенка. Что-то в этом взгляде тогда

тронуло ее до глубины души. Тронул сам поступок, тронул так, что она не могла бы это выразить словами. На ум ей невольно пришел вопрос, что привело эту девочку в приют для женщин, оказавшихся в трудной ситуации? Как, интересно, протекает ее жизнь в этих стенах? Откуда она приехала? Что пришлось ей пережить? От чего она бежала, чтобы очутиться здесь? Давно ли она живет во Дворце?

Ей вспомнились последние слова Леонара: «дать Дворцу второй шанс». И ее гнев куда-то улетучился. Осталось любопытство. Желание узнать о приюте больше. «Завоевать доверие» – так, кажется, он сказал? В конце концов, на следующий четверг у нее не было никаких планов. Второй шанс – против конфетки «Харибо». Честная сделка. Солен взяла сотовый и послала Леонару сообщение, ограничившись двумя буквами: *ОК*.

На следующей неделе Солен вновь переступила порог Дворца. Группка африканок устроилась в том же месте, что и в прошлый раз. Они пили все тот же чай и бросали на Солен все те же равнодушные взгляды. На этот раз она заколебалась. Немного помедлив, чтобы как следует овладеть собой, она приблизилась к ним, чтобы поздороваться. Голосом, который должен был произвести впечатление уверенного, Солен объяснила, что она публичный писатель и будет приходить к ним раз в неделю. Если кому-то из них понадобится ее помощь в составлении писем или других письменных документов, она будет рада оказать им эту услугу.

Женщины никак не отреагировали. Солен не была уверена даже, что они услышали, что она им сказала. Потом они обменялись несколькими словами между собой на незнакомом языке и кивнули. Затем продолжили свой разговор как ни в чем не бывало.

Солен постояла возле них еще какое-то время. Дело сделано. Она представилась. Потом она направилась к свободным столикам. На этот раз Солен не стала забиваться в угол, а села за стол посреди холла. Так любой ее сможет увидеть. «Нужно застолбить себе место, – советовал Леонар, – создать собственное пространство. Уметь себя правильно подать».

Солен много раз слышала подобные мудрствования, еще когда работала в адвокатской конторе. Быть убедительной с клиентами, держать голову высоко. Что-что, а это она хорошо усвоила. Но весь ее опыт совершенно бесполезен в этой обстановке. Стоило сменить один Дворец на другой, как правила поменялись. Наверное, придется их изобретать заново.

Пока Солен усаживалась на новом месте, она увидела боковым зрением хрупкую фигурку вязальщицы за кадкой с растением. Пальцы ее так и ходили в бешеном темпе. Теперь она занялась другим свитером – можно было подумать, что это будущая детская кофточка. Солен не решилась с ней заговорить. Женщина даже не подняла глаз, когда она подошла ближе. Лицо ее было настолько бесстрастным, что казалось почти нечеловеческим. Солен подумала, что она только что «пролетела» с африканками, так стоило ли напрашиваться на новое унижение?

Отказавшись от своего намерения подойти к вязальщице, Солен устроилась за своим столом. В тот же момент в другом конце большого фойе поднялась с места одна из женщин, пивших чай. Подойдя к Солен, она достала из кармана помятый кассовый чек. На прекрасном французском языке она объяснила, что постоянно ходит за покупками в ближайший супермаркет. Накануне кассирша ошиблась на два евро, пробивая ей йогурты – они шли по акции, и цена на них была ниже. В кассу стояло много народу, и кассирша отказалась вернуть положенную ей сумму. Она хотела бы написать жалобу руководству этого магазина.

Солен молча смотрела на нее, задаваясь вопросом, не шутка ли это? Не хотят ли любительницы чая испытать ее на прочность? Заставить пройти боевое крещение? Нет ли во всем этом своего рода дедовщины, как в армии? Писать жалобу из-за двух евро... За вычетом стоимости почтовой марки, бумаги и чернил, не слишком-то много удастся им возместить...

Она уже собралась изложить женщине свои доводы, как вдруг та, словно прочтя ее мысли, добавила: «Мое пособие – пятьсот пятьдесят евро в месяц. С арендой за здешнее жилье и оплатой счетов на еду мне остается совсем мало». Солен внутренне напряглась. Положение этой женщины сводилось к трем буквам аббревиатуры, которая больно ударила ее, как пощечина. *RSA*¹⁵. Абстрактный прежде символ внезапно обрел реальное воплощение. С ее шестизначным годовым доходом Солен не была к этому готова. Ей вдруг стало стыдно, что она опустилась до такого гнусного предположения, что женщина хотела ее испытать. Вот оно, настоящее лицо нищеты. Оно не в газетах, не на телевизионном экране, а здесь, совсем рядом, стоит перед ней. В образе двух евро в кошельке этой женщины.

Молча Солен взяла у нее чек. Она обязательно этим займется. Включив компьютер, Солен принялась составлять жалобу.

Вечером, возвращаясь домой, Солен вспомнила о том, как ее охватил гнев, когда она принялась стучать пальцами по клавиатуре. Кассирша спешила, она не стала терять время, чтобы переделать чек и вернуть мелочь. Честно говоря, не настолько уж она и виновата. Скорее всего, она получает минимальную оплату труда, работает в отвратительных условиях. А всегда нужно работать быстрее, нельзя останавливаться. Куда уж там задумываться о двух евро, куда уж там задумываться о чаевнице-африканке.

В ней поднялась волна возмущения: это чувство удивило саму Солен. Вернее, не совсем возмущения, ей даже трудно было подобрать ему название. И вдруг она подумала, что этот гнев направлен далеко не только на руководство супермаркета. Он был направлен и на нее саму. Замкнувшись в своей маленькой жизни и своих маленьких проблемах, она не видела ничего вокруг, как на самом деле вращалась Земля. А ведь некоторые голодали, и у них были только пара евро на пропитание. Если бы Солен имела представление, хотя бы умозрительно, о таком положении вещей, она бы схлестнулась врукопашную с этой реальностью сегодня же, в самом центре Дворца.

Окончательно стемнело. Выйдя из метро, Солен прошла мимо булочной. Нищенка была тут, на своем обычном месте. Впервые за все время Солен замедлила шаг. Остановившись перед молоденькой бездомной, Солен вынула кошелек и полностью вывернула его содержимое в жестяную кружку.

¹⁵ Одно из минимальных социальных пособий, которые выплачивают неимущим или неспособным работать гражданам.

Глава 7

Париж, 1925 г.

Бланш только что вышла в пронизывающую ноябрьскую стужу, несмотря на протесты Альбена. Он беспомощно вздохнул, глядя на черно-белую фотографию, висевшую над буфетом. Снимок, сделанный весенним днем почти сорок лет назад. Бланш и Альбен стояли рядышком в униформе Армии спасения. На ней – ни белого платья, ни кружев, ни муслиновой фаты. Бланш настояла, чтобы они поженились в форме. Как истинные солдаты. Ее гордый взгляд был устремлен в объектив, она стояла прямая, как ружейный ствол. Разглядывая черты жены, Альбен подумал, что она нисколько не изменилась. Годы и болезнь никак не повлияли на ее силу и характер. Ею Бланш ни на йоту не утратила ту неиссякаемую энергию, которая ее переполняла в первые дни их знакомства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.